

К проблеме сохранения авторского идиостиля в переводе: алкоголь в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки)

© Микаэлян Ю.И., 2023

Юлия Игоревна Микаэлян, канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Аннотация. Цель данной статьи — при помощи семиотического подхода к анализу художественного текста, на примере единиц лексико-семантического поля «алкоголь» проанализировать некоторые особенности идиостиля писателя С. Довлатова и возможные переводческие стратегии, позволяющие сохранить авторский идиостиль в переводе. Тема алкоголя является важной частью дискурса писателя: посредством отсылки к алкоголю Довлатов характеризует как персонажей своих произведений, чья картина мира строится вокруг выпивки, так и окружающую их реальность. Семиотический подход позволяет обнаружить дополнительные значения и смыслы, участвующие в построении образов в художественном тексте. В то же время данный подход эффективен и при анализе переводов художественного текста, поскольку обращает внимание переводчика на те элементы, которые необходимо сохранить

в переводе для передачи авторского замысла и, следовательно, для достижения коммуникативной эквивалентности исходного текста и текста перевода. Сопоставительный анализ текстов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» и их переводов на испанский язык (пиренейский вариант) и бразильский национальный вариант португальского языка продемонстрировал, что наибольшие сложности у переводчиков вызывает обилие отсылок к культурным реалиям и прецедентным феноменам советской культуры, в большинстве случаев неизвестным иностранцам, особенно когда на отсылках к подобным феноменам строится авторский юмор. Чаще всего в подобных ситуациях переводчики прибегают к стратегии доместикации, адаптируя текст под культуру перевода, что иногда может привести к искажению авторского замысла и утрате части смыслов, присутствующих в исходном тексте.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, стратегии перевода, семиотика культуры, испанский язык, португальский язык, русская литература, перевод юмора

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2023) К проблеме сохранения авторского идиостиля в переводе: алкоголь в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки). *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 170–186
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

UDC 94:327+821.134

Recibido 11.10.2023.
Revisado 01.11.2023.
Aceptado 24.11.2023.

Respecto al problema de la conservación de las peculiaridades del estilo del autor en la traducción: el alcohol en la prosa de S. Dowlátov (basándose en las traducciones de «Retiro» y «El compromiso» al español y al portugués)

© Mikaelyan Yu.I., 2023

Yulia I. Mikaelyan, PhD (Letras), Profesora Titular del Departamento de Español de la Universidad MGIMO.

119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Resumen. Serguéi Dowlátov (1941–1990) es considerado uno de los escritores rusos más importantes de la segunda mitad del siglo XX, cuya obra se estudia con mucho interés tanto en Rusia como en otros países de Europa, América y Asia. El objetivo del presente artículo es analizar algunas peculiaridades de su estilo y las posibles estrategias de traducción que permitan preservarlo en la traducción mediante un enfoque semiótico del análisis del texto literario. El tema del alcohol forma parte integral del discurso del escritor, ya que, a través de las referencias a la bebida, Dowlátov caracteriza tanto a los personajes de sus obras, cuya visión del mundo se construye en torno al alcohol, como a la realidad que los rodea. El enfoque semiótico nos permite descubrir significados y sentidos adicionales implicados en la construcción de imágenes en el texto literario. Al mismo tiempo, también resulta eficaz para analizar las traducciones literarias, ya que llama la atención del traductor sobre los elementos cruciales para lograr una equivalencia comunicativa entre el original y el texto traducido. El análisis comparativo de los textos de «Retiro» y «El compromiso» y sus traducciones al español (versión ibérica) y al portugués de Brasil ha demostrado que las mayores dificultades para los traductores se deben a

la abundancia de referencias a realidades culturales y fenómenos precedentes de la cultura soviética, sobre todo cuando en las referencias a tales fenómenos se basa la comicidad. La mayoría de las veces, en estos casos, los traductores recurren a la estrategia de domesticación, adaptando el texto a la cultura de la traducción, lo que a veces puede llevar a la distorsión de las intenciones del autor y a la pérdida de algunos de los significados presentes en el texto original.

Palabras clave: S. Dovlátov, estrategias de traducción, semiótica de la cultura, lengua española, lengua portuguesa, literatura rusa, traducción del humor

Para citar: Mikaelyan Yu.I. (2023) Respecto al problema de la conservación de las peculiaridades del estilo del autor en la traducción: el alcohol en la prosa de S. Dovlátov (basándose en las traducciones de «Retiro» y «El compromiso» al español y al portugués), *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 170–186
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

UDC 94:327+821.134

RESEARCH ARTICLE

Received 11.10.2023.

Revised 01.11.2023.

Accepted 24.11.2023.

On the Problem of Preserving the Writer's Idiosyncrasy in Translation: Alcohol in S. Dovlatov's Prose (a Case Study of the Translations of «Pushkin Hills» and «The Compromise» Into Spanish and Portuguese)

© Mikaelyan Yu.I., 2023

Yulia I. Mikaelyan, PhD, Associate Professor at the Department of Spanish Language, MGIMO University.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Abstract. Sergei Dovlatov (1941–1990) is considered to be one of the most important Russian writers of the second half of the 20th century, whose work is studied both in Russia and in other countries in Europe, America, and Asia. The aim of this article is to analyze some peculiarities of his style and possible translation strategies to preserve it in translation using a semiotic approach to literary text analysis. The theme of alcohol is an integral part of the writer's discourse, since, through references to drinking, Dovlatov describes both the characters in his works, whose worldview is built around drinking, and the reality around them. The semiotic approach

allows us to discover additional meanings and sense involved in the construction of images in the literary text. At the same time, it is also effective for analyzing literary translations, as it draws the translator's attention to the crucial elements for achieving communicative equivalence between the original and the translated text. The comparative analysis of the texts of «Pushkin Hills» and «The Compromise» and their translations into Spanish (Iberian version) and Brazilian Portuguese has shown that the greatest difficulties for the translators emerge due to a great number of references to cultural realities and phenomena of the Soviet culture, especially when the author's humor is based on the references to such phenomena. Most often, in such cases, translators resort to the strategy of domestication, adapting the text to the culture of the translation, which can sometimes lead to the distortion of the author's intentions and the loss of some of the meanings present in the original text.

Keywords: S. Dovlatov, translation strategies, semiotics of culture, Spanish language, Portuguese language, Russian literature, humor translation

For citation: Mikaelyan Yu.I. (2023) On the Problem of Preserving the Writer's Idiosyncrasy in Translation: Alcohol in S. Dovlatov's Prose (a Case Study of the Translations of «Pushkin Hills» and «The Compromise» Into Spanish and Portuguese), *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Произведения писателя С.Д. Довлатова (1941–1990) начали активно переводиться и изучаться за рубежом в середине 80-х гг. прошлого века, и на данный момент география переводов его текстов довольно обширна. Первые переводы книг на английский язык были сделаны в США, где Довлатов проживал с 1978 г. вплоть до своей смерти в 1990 г.; еще при жизни автора его книги начали также переводить и на другие европейские языки. В настоящее время писателя читают и изучают и в странах Латинской Америки (его произведения активно исследуются и переводятся в Бразилии и Аргентине) и Азии [Дяньмэй, 2020: 191].

Псевдодокументализм (такое определение своей манере письма давал сам Довлатов [Власова, 2001: 15]) и сильный автобиографический элемент являются характерными особенностями поэтики писателя. Внесение собственных черт в образ главного героя — рассказчика, от имени которого ведется повествование, переработка событий своей биографии и «списывание» персонажей с реально существовавших прототипов, часто с сохранением имен и фамилий, стало авторским методом.

Сам Довлатов всю жизнь страдал от алкогольной зависимости, которая и стала причиной его смерти в возрасте 48 лет. Свое пристрастие к выпивке он никогда не скрывал и так или иначе обращался к теме алкоголя во всех своих произведениях, называя алкоголь «вечным спутником российских литераторов»¹. Российский литературовед и критик И.Н. Сухих, занимающийся ис-

¹ Довлатов С.Д. Ремесло. Санкт-Петербург. Азбука, Азбука-Аттикус. 2014. С. 45.

следованием прозы Довлатова, считает тему алкоголя неотъемлемой частью творчества писателя, предлагая следующие тематические формулы для характеристики анализируемых нами книг, которые демонстрируют важность темы выпивки для художественного мира Довлатова: согласно Сухих, формула «Компромисса» — это «ложь, вино и женщины», а формула «Заповедника» — «Пушкин, вино и женщины» [Сухих, 2006: 123, 136].

Отсылки к алкоголю превращаются у Довлатова в литературный прием, который служит для характеристики персонажей: важно, что именно они выпивают (дорогие, дешевые напитки или же вообще спиртосодержащие жидкости вроде одеколона или политуры), где (дома, в гостях, в ресторане, в такси, в лесу или на корабле), как (так, некоторые персонажи «Компромисса» предпочитают пить «из горла» даже при наличии стаканов, объясняя, что иначе «кайф не тот»²), и при каких обстоятельствах. Также алкоголь служит и для описания окружающей действительности, которая всегда преобразуется под влиянием винных паров.

Так как выпивка является неотъемлемой частью жизни довлатовских героев, вокруг нее строится и их картина мира. Пользуясь сравнением Ю.Н. Караулова, мы можем отнести алкоголь у Довлатова к своего рода «идеологеме», поскольку через алкоголь в его книгах выражается также и «семанτικο-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц» [Караулов, 2023: 82]. Любые разговоры и даже расчеты (например, при оплате аренды) вращаются вокруг спиртных напитков, свое здоровье персонажи оценивают, исходя из того, что и в каком количестве они могут выпить, а их прямая речь изобилует жаргонизмами, фразеологизмами и идиоматическими выражениями, отсылающими к алкогольной тематике. Мотив алкоголя является сквозным практически во всех произведениях Довлатова, что позволяет рассматривать его как одну из ключевых тем дискурса писателя и его персонажей. В свою очередь, многочисленные лексические единицы, принадлежащие лексико-семантическому полю «алкоголь», формируют и авторский идиостиль, поскольку «частотное употребление слов, в том числе служебных, является идиостилевой чертой» [Хлупина, 2014: 22].

В данном исследовании мы воспользуемся методами семиотического анализа текста. С точки зрения семиотики, художественный текст является знаковой системой со сложной структурой, содержащей на разных уровнях определенные коды, которые и способствуют созданию смысла или образа в произведении. В отечественной науке художественный текст как объект семиотического анализа активно изучали Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др. Так, как отмечает Ю.М. Лотман, художественный текст — это «сложно построенный смысл» [Лотман, 1978: 19].

² Довлатов С.Д. Компромисс. Встретились, поговорили. Санкт-Петербург. Азбука. 2003. С. 192.

Методы семиотического подхода применимы при анализе авторского идиостиля и переводов художественного текста, поскольку, согласно А.И. Ивановой, «семиотический подход к рассмотрению идиостиля писателя может служить основой для продуктивного практического анализа оригинала и/или переводов художественных произведений, а также для улучшения качества новых создаваемых текстов» [Иванова, 2010: 106]. В данном исследовании под идиостилем вслед за В.В. Леденевой мы понимаем «индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации», которая отражает «творческий, личностный и через него и общественный уровень представлений и отношений к миру» автора [Леденева, 2000: 127].

Поскольку семиотический подход опирается на представление о переводе как об особом случае коммуникативного акта, он позволяет «сконцентрировать внимание на конкретных элементах кода, передающих сообщение, которые должен находить переводчик для максимально полного донесения сообщения до конечного реципиента». [Иванова, 2010: 106]. Следовательно, как для понимания смысла произведения, так и для его адекватного перевода особое внимание при анализе довлатовских текстов и их переводов следует уделить не только семантике лексем, но и их прагматической составляющей, стилевому регистру, к которому они принадлежат, поскольку, с точки зрения семиотического анализа, и на семантико-прагматическом, и на синтаксическом уровне эти единицы являются знаками и несут определенную информацию. Так, как отмечает Ю.М. Лотман, «в нехудожественных текстах информативен не язык, а сообщение на нем. <...> Но в пределах художественного текста язык тоже становится носителем информации» [Лотман, 1978: 362].

Многие исследователи отмечают, что для прозы Довлатова характерна «литературная имитация специфических черт устной речи» [Орлова, Петренко, 2011: 50], поэтому прямая речь персонажей его книг отличается особым стилистическим разнообразием и яркостью. Прямая речь довлатовских героев изобилует различными выражениями, отсылающими к алкогольной тематике. Анализируя концепт «алкоголь», М.А. Хлупина выделяет десять лексико-семантических групп его репрезентантов в прозе Довлатова: 1) номинация совокупности алкогольных напитков; 2) номинация ёмкости для алкоголя; 3) номинации заведения, в котором употребляют алкоголь; 4) номинации болезненного состояния вследствие постоянного употребления алкоголя; 5) номинации процесса употребления алкоголя; 6) номинации стадий алкогольного опьянения; 7) номинации пьяного человека; 8) номинации алкоголика; 9) номинации похмелья; 10) номинации запоя (в последней группе перечисляются варианты употребления лексемы «запой» в сочетании с характеристиками-прилагательными) [Хлупина, 2014: 71–78]. В группах представлены лексемы, относящиеся к разным частям речи, а также к разным стилевым регистрам.

В текстах «Заповедника» и «Компромисса» не раз встречаются такие разговорные выражения и жаргонизмы для номинации совокупности алкогольных напитков и ёмкостей для алкоголя, как «кир», «отрава», «водяра», «чекушка», «полбанки» и др.; глаголы, номинирующие как процесс употребления алкоголя, так и стадии алкогольного опьянения, как «поддать», «нажраться», «бухать», «подлечиться», «опохмелиться» и др.; выражения «пить из горла», «гудеть по-черному», «упиться вдрабадан» «пьяный как свинья» и др. Отдельного внимания заслуживают культурные реалии, связанные с алкогольной тематикой, которые нередко встречаются в довлатовских текстах и могут вызывать сложности при переводе: такие понятия, как «вытрезвитель», «запой»; упоминания спиртосодержащих жидкостей, используемых в качестве дешевой замены алкоголя.

Как правило, именно перевод жаргонизмов, фразеологизмов и идиоматических выражений, а также культурных реалий вызывает наибольшие сложности у переводчика, поскольку в его задачи входит, помимо адекватной передачи смысла, в том числе и сохранение авторского замысла и стиля, что подразумевает поиск лексемы или выражения в языке перевода со схожими коннотациями и стилистической окраской.

В случае с переводом юмористических текстов, к которым безусловно относятся тексты Довлатова, переводчики сталкиваются с еще одним вызовом — переводом юмора и сохранением комического и на языке перевода. Особая культурная маркированность юмора, тесная связь с культурой, в которой он был произведен [Vandaele, 2010: 150], нередко делает эту задачу весьма непростой. Юмор в довлатовских произведениях часто оказывается тесно переплетен с темой алкоголя. Так, как отмечают Т.А. Маряничева и Л.О. Чернейко, «неалкогольные» составляющие художественного мира писателя — литература и юмор — тесно связаны с его алкогольной составляющей. <...> А большинство встречающихся в текстах языковых шуток возникает в связи с пагубным пристрастием героев и, соответственно, строится именно на основе единиц лексико-семантической сферы “алкоголь” [Маряничева, Чернейко, 2013: 122].

При переводе культурно-маркированной лексики и языковых реалий возможны две противоположные стратегии, которые впервые упоминаются в труде немецкого философа Ф. Шлейермахера «О разных методах перевода» («Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens», 1813). Согласно Шлейермахеру, при переводе художественного текста переводчик или «оставляет писателя в покое и заставляет читателя приблизиться к нему»³, или наоборот, «оставляет в покое читателя и заставляет писателя приблизиться к нему» [Schleiermacher, 1996: 137]. В дальнейшем американский историк и теоретик

³ Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. — Ю.М.

перевода Л. Венути обозначил первую стратегию, при которой переводчик не адаптирует текст, сохраняя его «иностранный», чуждый культуре перевода характер как стратегию форенизации (англ. *foreignization*); противоположную ей стратегию, при которой текст адаптируется под культуру перевода, исследователь назвал стратегией доместикации (*domestication*) [Venuti, 2004: 468–469].

Рассмотрим некоторые примеры употребления «алкогольной» лексики в текстах Довлатова и проанализируем стратегии перевода, к которым прибегают переводчики.

Характеристика персонажа посредством его отношений с алкоголем и предпочитаемых им напитков служит одним из художественных приемов, нередко используемых писателем, на котором также могут строиться и авторский юмор, и ирония. В следующем фрагменте из «Компромисса шестого» сборника «Компромисс» журналистка Лида безуспешно пытается взять интервью у бывшего лагерного охранника: любые ответы и рассуждения персонажа так или иначе сводятся к выпивке. Следует отметить, что уже сама структура и абсурдность этого диалога вызывают улыбку у читателя вне зависимости от его фоновых знаний.

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
Вы были надзирателем, это опасно, рискованно? Алиханов неохотно задумался. — Риск, конечно, был. Много водки пили. Лосьоном не брезговали. На сердце отражается... <...> Вы мужественный человек? — Не знаю. Раньше мог два литра выпить. А теперь от семисот граммов балдею ... Возраст... ⁴	O senhor foi guarda de prisioneiros, é algo perigoso, arriscado? Alikhánov, a contragosto, caiu em reflexão. — Riscos certamente houve. Bebíamos vodka para valer. Não des prezávamos uma água-de-colônia . Essas coisas afetam o coração... <...> ... O senhor se considera um homem corajoso? — Não sei. Antes eu conseguia tomar dois litros. Agora bastam setecentos gramas para eu ficar tonto ... É a idade... ⁵	Usted era vigilante de convoyes. ¿No es un trabajo muy peligroso y aventurado? Alikhánov pensó en ello de mala gana. — Había algunos riesgos desde luego. Bebíamos mucho vodka. Tampoco habríamos rechazado la loción para después del afeitado . Todo eso tiene que afectar al corazón. <...> ... ¿Es usted un hombre valiente? — No lo sé. Hubo un tiempo en que podía beber dos litros. Ahora me quedo atontado con setecientos gramos. Debe de ser la edad... ⁶

⁴ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 150–151.

⁵ Dowlátov S. O compromisso. São Paulo. Kalinka. 2019. P. 71.

⁶ Dowlátov S. El compromiso. Vitoria-Gasteiz. IKUSAGER EDICIONES S.A. 2005. P. 62–63.

В фрагменте на португальском языке была использована стратегия доместикации: бразильские переводчики заменили лосьон, которым «не брезговали» надзиратели, одеколоном (*água de colônia*); при этом в тексте дана сноска, где поясняется, что в СССР в отсутствие спиртных напитков иногда в ход шли любые жидкости, содержащие алкоголь. В испанском переводе была сохранена лексема «лосьон», однако переводчики также использовали прием экспликации (термин А. Бермана [Berman, 2007: 51]), уточняя, что речь идет о лосьоне после бритья: *loción para después del afeitado*.

Испанское (2006) и бразильское (2019) издания перевода сборника «Компромисс» С.Д. Довлатова

Русское разговорное выражение «балдеть», в данном контексте выступающее синонимом глагола «пьянеть», тоже не вызвало особых трудностей и было переведено в обоих случаях разговорными выражениями из языков перевода со схожими коннотациями: *ficar tonto* на португальском и *quedarse atontado* на испанском.

В продолжении этого диалога персонаж Алиханова пытается уговорить журналистку выпить с ним, предлагая «взять полбанки и сухого»:

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
Возьмем полбанки и сухого ⁷ .	Vamos comprar meia garrafa de vodka e uma de vinho seco ⁸ .	Vamos a comprar media botella y algún vino seco ⁹ .

⁷ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 151.

⁸ Dovlátov S. O compromisso... P. 71.

⁹ Dovlátov S. El compromiso... P. 63.

Жаргонизм «полбанки», используемый для обозначения пол-литровой бутылки водки, довольно часто встречается в разных текстах Довлатова. Фраза персонажа Алиханова эллиптична и содержит имплицитную информацию, касающуюся выпивки: помимо подразумеваемой водки также опущено и существительное «вино». О том, что в данном контексте речь идет о вине, читателю подсказывает прилагательное «сухое». Эллиптичность характерна для разговорной речи не только русского языка, однако в прямой речи персонажей Довлатова подобные опущения, связанные с алкоголем, обретают дополнительный смысл, поскольку они подчеркивают тесное знакомство персонажей с алкогольной тематикой и ее важность для них.

Бразильские переводчики использовали прием экспликации и сделали очевидной информацию, подразумевавшуюся в исходном тексте: в переводе были добавлены существительные *vodka* и *vinho* — «*meia garrafa de vodka e uma de vinho seco*». Переводчик на испанский, в свою очередь, эксплицировал лишь лексему «вино» и использовал выражение *media botella y algún vino seco*, контекстуально намекая, что речь идет о водке, в том числе за счет упоминания существительного *vino*.

И испанские, и бразильские переводчики допустили в этом фрагменте фактическую ошибку: разговорное выражение «полбанки» в обоих переводах было переведено как «полбутылки» (*meia garrafa*, *media botella*), однако ни у испанцев, ни у бразильцев это выражение не вызывает ассоциаций с бутылкой 500 мл.

Как было отмечено выше, прямая речь довлатовских персонажей изобилует жаргонизмами. Для перевода подобной лексики, стилистически окрашенной в русском языке, переводчики, как правило, стараются подобрать жаргонные и разговорные выражения, которые обладали бы схожей экспрессией. В следующем примере из повести «Заповедник» персонаж алкоголика Михал Иваныча предлагает главному герою арендовать у него комнату за «шесть бутылок отравы».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Неси шесть бутылок отравы , и площадь за тобой ¹⁰ .	Por seis garrafas do veneno o espaço é seu ¹¹ .	Me pasas seis botellas de brebaje y toda pa ti ¹² .

Данная переводческая задача была успешно решена переводчиками на оба языка, и были подобраны жаргонизмы со схожей семантикой. В бразильском тексте «отраву» перевели существительным *veneno* («яд, отрав»),

¹⁰ Довлатов С.Д. Заповедник. Санкт-Петербург. Азбука. 2003. С. 197.

¹¹ Dowlátov S. Parque cultural. São Paulo. Kalinka. 2016. P. 57.

¹² Dowlátov S. Retiro. Logroño. Fulgencio Pimentel. 2017. P. 42.

которое употребляется в разговорной речи для обозначения дешевого алкоголя; переводчики на испанский использовали существительное *brebaje* («пойло»), также используемое в отношении выпивки.

Испанское (2017) и бразильское (2016) издания перевода повести «Заповедник»

В текстах Довлатова все время встречаются различные синонимы глагола «опьянеть, напиться» и их производные, в том числе и окказионализмы. В одном из эпизодов «Заповедника» для характеристики стадии опьянения персонажа Валерия Маркова используется разговорное окказиональное выражение «Валера накушавши».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Кто-то из-за угла вяло про-изнес: — Валера накушавши ... ¹³	Uma voz se destacou de um canto do salão: — Valera encheu a lata ... ¹⁴	Uno de los del rincón apuntó con desgana: — Pero qué perjudicado estás , Valeri... ¹⁵

Для сохранения разговорного регистра бразильские переводчики подобрали эквивалентное жаргонное выражение *encher a lata* (букв. «наполнить жестяную банку»), означающее «напиться». В испанском же переводе,

¹³ Довлатов С.Д. Заповедник... С. 258.

¹⁴ Dowlátov S. Parque cultural... P. 134.

¹⁵ Dowlátov S. Retiro... P. 135.

напротив, мы видим стилистически нейтральный перевод: *qué perjudicado estás* («в каком ты плохом состоянии»), который приводит к утрате экспрессии, присутствующей в исходном тексте.

К сожалению, переводчикам далеко не всегда удается подобрать стилистические и коммуникативные эквиваленты жаргонизмам и другим стилистически окрашенным словам и выражениям. В следующем примере из «Компромисса» в ответ на просьбу главного героя об интервью персонаж Кузина использует просторечное «поддать»:

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
— Надо бы куда-то зайти, побеседовать.	— Deveríamos sentar em algum canto e bater um papo.	— ¿Qué tal si hablamos en otro sitio más apropiado?
— В смысле — поддать ? — оживился Кузин.	— No sentido de tomar um trago ? — animou-se Kúzin.	— ¿Quiere decir si echamos un trago ? — Kuzin se animó.
<...>	<...>	<...>
— Денег — восемь рублей <...> плюс живая бутылка отравы ¹⁶ .	— Só tenho oito rublos em dinheiro <...> mais uma garrafa do veneno ¹⁷ .	— Tengo ocho rublos <...> más esto ¹⁸ .

Ни в испанском, ни в бразильском переводе не сохранилось стилистической окраски, присутствующей в исходном тексте: в обоих случаях глагол был переведен куда более нейтральными выражениями со значением «выпить, пропустить рюмку»: *tomar um trago* на португальском и *echar un trago* на испанском. Подобная переводческая трансформация неизбежно ведет к частичной потере юмора фрагмента, поскольку в оригинале создается комический эффект в том числе за счет резкого переключения стилистического регистра. По сюжету журналист просит персонажа Кузина побеседовать с ним для юбилейного материала в советскую газету, а тот воспринимает это приглашение совершенно однозначно как приглашение выпить и к тому же озвучивает свои мысли при помощи сниженной лексики.

В этом же фрагменте снова встречается лексема «отрава». В бразильском переводе ее также перевели существительным *veneno*, в то время как в испанском переводе¹⁹ переводчики ушли от использования жаргонной лексики и заменили ее указательным местоимением (*esto*), поскольку в следующем абзаце персонаж достает из портфеля бутылку рома.

¹⁶ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 137.

¹⁷ Dowlátov S. O compromisso... P. 53.

¹⁸ Dowlátov S. El compromiso... P. 48.

¹⁹ Необходимо пояснить, что над испанскими переводами «Компромисса» и «Заповедника» работали разные группы переводчиков. Перевод «Заповедника» был сделан Таней Михельсон и Альфонсо Мартинесом Галилеа (Tania Mikhelson, Alfonso Martínez Galilea), а перевод «Компромисса» — Аной Алкорты и Моисесом Рамиресом (Ana Alcorta, Moisés Ramírez).

Отдельного внимания заслуживают встречающиеся в текстах Довлатова безэквивалентная лексика и культурные реалии. Рассмотрим возможности ее перевода на примере «вытрезвильовки», жаргонного слова, которое встречается в речи персонажей в «Компромиссе».

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
— Куда это мы едем, — шепнул Жбанков, — может, у них там вытрезвильовка ²⁰ ?	— Para onde estão nos levando? — susurrou Jbankóv. — Será que para a cela dos bêbados ²¹ ?	— ¿Adónde vamos? — susurró Zbánkóv — ¿No nos llevarán a una clínica de desintoxicación ²² ?

Само понятие вытрезвителя является реалией советской культуры, с которой носители других культур, как правило, не знакомы. Переводчики на португальский язык постарались эксплицировать термин, сохранив при этом его разговорное звучание: *cela dos bêbados* (буквально «камера для пьяных»). При этом в издании повести на португальском также присутствует сноска с примечанием переводчика, где объясняется значение лексемы «вытрезвитель» в советской культуре.

Переводчики на испанский допустили фактическую ошибку, переводя «вытрезвитель» выражением «клиника детоксикации» — *clínica de desintoxicación*. Нам представляется маловероятным, что такой перевод был сделан по незнанию советских реалий, скорее всего, это было намеренное решение, чтобы адаптировать таким образом текст под испанскую культуру и избежать экспликаций и сносок. Тем не менее следует отметить, что такая переводческая трансформация ведет к значительному искажению смысла.

Также нередко в текстах Довлатова встречается лексема «запой», которую можно отнести к культурным концептам. В «Компромиссе одиннадцатом», отзываясь о персонаже Эрика Буша, главный герой использует стилистический прием оксюморона, говоря, что его рабочее состояние — это запой.

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
У него всегда депрессия. Рабочее состояние. А у Буша рабочее состояние — запой ... ²³	É seu estado natural de trabalho. Enquanto o estado natural de Érik Buch é o pileque ... ²⁴	Es su modus operandi. Igual que el de Bush consiste en agarrársela ²⁵ .

²⁰ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 174.

²¹ Dowlátov S. O compromisso... P. 102.

²² Dowlátov S. El compromiso... P. 87.

²³ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 249.

²⁴ Dowlátov S. O compromisso... P. 194.

²⁵ Dowlátov S. El compromiso... P. 160.

Так как лексема «запой», являясь реалией русской культуры, относится к безэквивалентной лексике, в переводе неизбежно теряется часть смыслов и коннотаций, присутствующих в исходном тексте. Бразильские переводчики перевели «запой» разговорным существительным *pileque*, обозначающим состояние алкогольного опьянения. Испанские переводчики обратились к разговорному выражению *agarrar(se) una cogorza*, «напиться», причем в его эллиптической форме, *agarrársela*, где существительное *cogorza* («опьянение, хмель») заменено формой личного местоимения в винительном падеже. Таким образом, контекстуально испанскому читателю сразу становится понятно, о чем идет речь.

Данный фрагмент испанского перевода кажется нам особенно удачным и соответствующим довлатовской стилистике, поскольку одним из частых приемов создания комического у Довлатова является смешение различных стилевых регистров в речи персонажей, когда разговорные или даже сниженные выражения соседствуют с книжными или сакральными. Поэтому соседство латинского термина *modus operandi* с безусловно разговорным *agarrársela* прекрасно передает на языке перевода особенности авторского идиостиля.

Кроме того, сложности для перевода вызывают встречающиеся в текстах Довлатова лингвокультурные маркеры и прецедентные феномены, особенно в ситуациях, когда на подобных феноменах строится авторский юмор. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из повести «Заповедник». Персонаж Михал Иванович, пьяница, у которого арендует комнату главный герой, говоря о своих предыдущих жильцах, отмечает, что те были культурными людьми:

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Прошлый год евреи жили. Худого не скажу, люди культурные... Ни тебе политуры , ни одеколона... А только белое, красное и пиво... ²⁶	No ano passado judeus moraram aqui. Não posso dizer nada de ruim, gente culta... Nada de álcool de limpeza ou água de colônia... Só branco, tinto e cerveja... ²⁷	El año pasado estuvieron aquí unos judíos. No voy a decir nada malo de ellos, era gente con mucha clase... Al blanco , al tinto y a la cerveza sí le daban, sí... Pero ni gota de barniz , ni de colonia ²⁸ .

²⁶ Довлатов С.Д. Заповедник... С. 195.

²⁷ Dowlátov S. Parque cultural... P. 55.

²⁸ Dowlátov S. Retiro... P. 39.

Подобное восприятие людей, пьющих только собственно алкогольные напитки, как культурных можно рассматривать как прецедентный феномен советской культуры, поскольку употребление в качестве выпивки не предназначенных для этого жидкостей было весьма распространено в СССР в эпоху «застоя», когда создавалось это произведение.

Конечно, употребление спиртосодержащих жидкостей в отсутствие алкоголя не является уникальной советской особенностью (с поправкой на масштабы этой проблемы в СССР в 1970-е и 1980-е гг.), однако в разных странах в качестве замены выпивки могут использоваться различные субстанции. В СССР одним из дешевых заменителей водки была политура — спиртовой раствор, используемый для полировки мебели.

Бразильские переводчики использовали стратегию доместикации и адаптировали текст, заменив политуру на *álcool de limpeza*, технический разбавленный спирт, используемый в качестве моющего средства. Можно предположить, что подобная трансформация была сделана, поскольку упоминание лака для полировки мебели не вызвало бы у бразильского читателя ассоциаций с заменой алкоголю. Испанские переводчики, в свою очередь, не стали никак адаптировать фрагмент и использовали в переводе существительное *barniz* («лак, политура»).

Стоит обратить внимание и на характерную эллиптичность речи персонажа: Михал Иванович опускает глагол «пить» и существительное «вино», которые подразумеваются (этот авторский прием вновь придает словам персонажа дополнительную стилистическую окраску). В обоих анализируемых переводах переводчикам успешно удастся сохранить эллиптичность, присутствующую в исходном тексте, контекстуально намекая читателю, что речь идет именно об алкоголе.

* * *

Проведенный анализ произведений «Заповедник» и «Компромисс» С. Довлатова и их переводов на испанский и португальский языки позволяет нам сделать следующие выводы.

Тема алкоголя чрезвычайно важна для писателя, являясь частью его дискурса и дискурса его персонажей, а единицы лексико-семантического поля «алкоголь» присутствуют во всех произведениях и формируют в том числе и авторский идиостиль. Отсылки к алкоголю в довлатовских текстах превращаются в художественный прием, который служит как для характеристики персонажей и отражения их картины мира, так и для описания окружающей действительности. Лексемы и выражения, встречающиеся в прямой речи персонажей, как правило, несут в себе особую экспрессию и дополнительные коннотации, важные в контексте данного художественного произведения. Считывание этих дополнительных смыслов и их сохранение в переводе оказывается важной задачей для переводчика художе-

ственного текста. Тем не менее в процессе перевода часть стилистической экспрессии и стиливого разнообразия, присутствующего в исходном тексте, неизбежно теряется.

В зависимости от целей и функций фрагмента исходного текста, испанские и бразильские переводчики использовали как стратегию доместикации, адаптируя текст под культуру страны перевода, так и стратегию форенизации, сохраняя «иностранность» характер текста. Иногда переводческая адаптация может вести к расхождению с исходным текстом, делая перевод свободным. В целом можно сказать, что переводы на испанский язык выполнены на более низком уровне эквивалентности, чем переводы на португальский.

Культурная обусловленность текстов Довлатова представляет одну из наибольших сложностей при переводе, поскольку тесная связь с русской и советской культурой является важной частью поэтики писателя. В связи с этим чрезмерная адаптация исходного текста под культуру перевода может снизить привлекательность текста для иностранных читателей, которые в таком случае не смогут составить адекватного представления о творчестве Довлатова.

Список литературы / References

Власова Ю.Е. (2001) *Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва, 206 с.

Vlasova Yu.E. (2001) *Zhanrovoye svoeobrazie prozy S. Dovlatova* [Genre specificities of S. Dovlatov's prose], PhD. Thesis, Moscow, 206 p. (In Russian)

Дяньмэй Ч. (2020) Переводы и исследования Довлатова в Китае, *Вопросы литературы*, № 2, с. 183–196.

Dyan'mei Ch. (2020) *Perevody i issledovaniya Dovlatova v Kitae* [Translations and research on Dovlatov in China], *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 183–196. (In Russian)

Иванова А.И. (2010) Проблема передачи идиостиля и идиолекта в художественном переводе, *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 3, с. 99–107.

Ivanova A.I. (2010) *Problema peredachi idiostilya i idiolekta v khudozhestvennom perevode* [The problem of conveying idiostyle and idiolect in fiction translation], *Moscow University Bulletin. Series 19 – Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 99–107. (In Russian)

Караулов Ю.Н. (2023) *Русский язык и языковая личность*, Москва, ЛЕНАНД, 264 с.

Karaulov Yu.N. (2023) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Moscow, LENAND, 264 p. (In Russian)

Леденева В.В. (2000) *Особенности идиолекта Н.С. Лескова: монография*, Москва, МПУ, 185 с.

Ledeneva V.V. (2000) *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova: monografiya* [Features of N.S. Leskov's idiolect: a monograph], Moscow, MPU, 185 p. (In Russian)

Лотман Ю.М. (1978) *Структура художественного текста*, Москва, Искусство, 384 с.
Lotman Yu.M. (1978) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a fiction text], Moscow, Iskusstvo, 384 p. (In Russian)

Марьяничева Т.А., Чернейко Л.О. (2013) Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова, *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, № 4., с. 122–127.

Maryanicheva T.A., Cherneiko L.O. (2013) Funktsii «alkogol'noi» leksiki v tekstakh Sergeya Dovlatova [Functions of «alcoholic» vocabulary in Sergei Dovlatov's texts], *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, no. 4., pp. 122–127. (In Russian)

Орлова Н.А., Петренко А.Ф. (2011) *Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Монография*, Пятигорск, ПГЛУ, 168 с.

Orlova N.A., Petrenko A.F. *Semioticheskie i fol'klornye modeli smekhovogo mira Sergeya Dovlatova. Monografiya* [Semiotic and folklore models of Sergei Dovlatov's laughter world. A monograph], Pyatigorsk, PGLU, 168 p. (In Russian)

Сухих И.Н. (2006) *Сергей Довлатов: время, место, судьба*, Санкт-Петербург, Издательство «Нестор-История», 278 с.

Sukhikh I. N. (2006) *Sergei Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba* [Sergei Dovlatov: time, place, fate], St. Petersburg, Izdatel'stvo «Nestor-Istoriya», 278 p. (In Russian)

Хлупина М.А. (2014) *Особенности языковой личности С.Д. Довлатова*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва, 253 с.

Khlopina M.A. (2014) *Osobennosti yazykovoi lichnosti S.D. Dovlatova* [Features of S.D. ovlatov's linguistic personality], PhD. Thesis, Moscow, 253 p. (In Russian)

Berman A. (2007) *A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo* [The translation and the letter, or, The refuge of the distant], Rio de Janeiro, 7Letras/PGET, 144 p. (In Portuguese)

Schleiermacher F. (1996) Sobre los diferentes métodos de traducir [About different translation methods], *Teoría de la traducción. Antología de textos* [Translation theory. Anthology of texts], Cuenca, Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, p. 129–157. (In Spanish)

Vandaele J. (2010) Humour in translation, *Handbook of Translation Studies*. Vol 1, Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins, pp. 147–152.

Venuti L. (2004) Translation, community, utopia, *The Translation Studies Reader*, London, New York, Routledge, pp. 468–488.